

Н

а рождественских святках в самый канун Нового 1878 года жителей слободы Ольховатка Острогожского уезда созвало на сход волостное правление. 622 домохозяина представляли 3125 ревизских душ. Тех, кто занесен в статистический список после очередной переписи-ревизии. Крестьяне-собственники вынесли «мирской приговор», в котором ходатайствовали об утверждении двухклассного училища.

О том, что просьба более чем назрела, свидетельствовал следующий факт. Бумагу для «Его превосходительства господина Директора народных училищ в Воронежской губернии» скрепили собственноручными подписями лишь 14 грамотных. Староста Тищенко и волостной старшина Лангавый «по безграмотству приложили печати». А далее на 15 листах следуют в подбор выведенные с затейливыми завитушками старательным писарем имена-фамилии тоже безграмотных.

Нас в этом списке интересует иное. Даже при беглом прочтении глаза обязательно споткнутся на фамилии «Чеховъ — Александръ, Сидоръ». Дело в том, что те безграмотные мужики, как и нынешние жители-уроженцы местных краев, носящие фамилию Чеховых, возможно, не просто однофамильцы Антона Павловича. Пусть дальние-дальние, пусть даже седьмая вода на киселе, но — родичи. Ибо род Чеховых «ведет свое начало из воронежских недр, из Острогожского уезда». Став москвичом, при встречах с известным тогда издателем Сувориным, родом воронежцем, Чехов отметит: «Всякий раз, когда мы видимся, у нас бывает речь об Ольховатке, Богучаре...»

Если сам Антон Павлович в устных и письменных рассказах о себе оставался скуп, то отец Павел Егорович, «брат своего брата» Михаил Павлович, его сын Сергей Михайлович составили-написали довольно-таки подробно семейную летопись. Журналист Валентин Андреевич Прохоров в областном архиве затем нашел документальные подтверждения родословному древу Чеховых, уточнил имена предков. Родство потомков по нынешнему месту жительства разобрал-проследил сельский учитель Петр Сергеевич Полишко. А секретарь райкома партии Георгий Алексеевич Караичев лично власть употребил, создал краеведческий музей с уголком, посвященным Чеховым. И было это еще в шестидесятых...

Не протоп цветет — бушует сирень на краю Неровновки. Степное сельцо под Ольховаткой очень соотвечает своему названию. И расположилось на всхолмьях по бугру. И жизнь тут течет неровно: скажем, в шестидесятых в школу ходило до двухсот ребят, по три десятка учеников в каждом классе, а теперь — тридцать на все девять Неровненской малокомплектной, так она называется. В девятом — один ученик: Саша Николаев.

Наш провожатый Филипп Федорович, еще крепкий телом старожил, единственный теперь носитель знаменитой фамилии тут, где на его памяти чуть ли не посела было только Чеховых. Пока правились к этому приметному кусту сирени на выгоне, он рассказывал, что гражданскую войну «не захватил, родился позже», что колхозный перелом не помнит по малолетству, а вот Великая Отечественная «стоит в глазах».

— Человек десять Чеховых, мужики, не вернулись, погибли на фронте. После сколько выехало в города. А дома схоронили недавно последнего правнука Владимира Ивановича, его родство с Чеховым-писателем прослеживалось ясно...

Остановились с Филиппом Федоровичем у того места, куда он уже не однажды приводил таких же любопытствующих — из газет и журналов, с телевидения, даже из Франции гостя, чеховского поклонника. Сиреневая дикоросль, затравенелье не бурьяном-крапивой, а чистым пыреем бугорок печища и ямка погребка-подвала указывали, что хоть давно, но стояло здесь подворье.

— Тут располагалась маслобойка Артема Чехова. Родного брата деда Антона Павловича. Сыча, по улошному прозвищу.

Это второе сельское имя семьи позволяет Филиппу Федоровичу точно числить и себя тоже в родстве с писателем.

— По отцу знаю только деда Ивана Даниловича. А вот мать, она тоже Чехова, Елена Николаевна, из «сычей»...

— Судя по всему, ольховатские прямые предки Чехова были людьми одаренными, в своем роде тоже талантами, — рассказывал другой мой собеседник — Георгий Алексеевич Караичев. Слушаю его размышления с неизбывным интересом. Он из чудаков, кои мир украшают, кому дороги «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Когда Караичева втравившь в краеведческую беседу, то Георгий Алексеевич горячится. Вроде загодя сомневается, вдруг ты услышанному не поверишь. Говорит громко, напористо, да еще отрывистыми взмахами руки помогает голосу.

Жаль, ослабли глаза, читать он уже почти не может, из-за чего очень страдает. На забывчивость жалуется, по-моему, больше для порядка, дабы подчеркнуть свой восьмой десяток лет. В памяти цепко держит события, имена и даты из документов, какие находил, изучал в пору создания местного музея.

— Вот родной дед Чехова... Его, Егора Михайловича, выделил из своих крепостных крестьян хозяин — Александр Дмитриевич Чертков. Тот самый, что Москве уникальную историческую библиотеку в наследство оставил. О Черткове особый разговор. Чехову Егору доверил он управлять сахарным заводом. Скорее всего, показал себя мужик еще при строительстве сахароварни. И этот же Чехов с-образил городище тут скотные базы. Откуда пошли и названия окрестных сел — Базы Большие, Малые. У завода всегда гора отжимок. А свекольный жом — прекрасный корм, кому непонятно. То помещику, а то и на свою долю Егор Михайлович, предприимчивый, как сейчас бы сказали, скупал в округе бычков, ставил гурты на откорм. Отъелись — на ярмарку их. Вот тебе рубли серебром. Те самые 875 числом, три с половиной тысячи ассигнациями, за какие выкупил себя и семью на волю. Заметь, этот крепостной увозил с собой из Ольховатки две скрыни, два деревянных сундука с книгами...

Георгий Алексеевич в своих предположениях, конечно, очень смел. Но во мно-

гом с ним соглашаться можно. Человек рассуждает, отталкиваясь от прошлой жизни края, которую он досконально знает.

В семье Егор Михайлович, дед писателя, не самый старший по рождению, второй сын. Но именно Егора отец — строгий Михаил Емельянович — оставил на своей усадьбе в Ольховатке. Почему глава семейства распорядился так, а не иначе? Говорят, Егор рос смышленным, волевым, упорным в работе. Братья ему в этом, пожалуй, мало уступали. В семье он, предполагают, был первым образованным по тому времени человеком. «С большими препятствиями, прячась с дворовым грамотеем по хлевам и конюшням, он постиг грамоту... очень полюбил книги и читал чрезвычайно много, за что был часто бит». А когда же отцу пришлось приступить у помещика разрешения на переселение, на приобретение земли, то, по-видимому, Егор в этих хлопотах стал главным помощником, ходатаем. Чем и заслужил у сурового Михаила Емельяновича особое уважение. Чертков тогда же мог глаз положить на грамотного парня, какого впоследствии возьмет себе писарем, а затем и помощником в хозяйственных делах.

Батько женит сына на тоже крепостной девушке Фросе Шимко из семьи коневодов, жившей в Зайцовке Богучарского уезда (ныне село Зайцевка Кантемировского района. — *Ред.*). Будущие сваты познакомились скорее всего на ярмарках — слободских базарах, куда сгоняли на продажу табуны лошадей. Как нынче — автомашины.

Ефросинья Емельяновна и Егор Михайлович жили тем укладом, который и до недавнего держался у слободских старожилов. Жена называла мужа на «вы», а за глаза «они» не только из-за боязни, как могло показаться на первый взгляд. Этим подчеркивалось, прежде всего, уважение к отцу семейства. Растили они сыновей Михаила, Павла, Митрофана и дочь Александру. Цену грамоте Егор Михайлович уже по себе знал, потому старался, насколько возможно крепостному крестьянину, выучить детей.

Ольховатскую семейную хронику той поры летописно восстановит по памяти на исходе жизни Павел Егорович, отец писателя. Вот извлечения из нее.

«1825. Родился в с. Ольховатке Воронежской губ. Острогож. уезда от Георгия и Ефросиньи Чеховых.

1830. Помню, что мать моя пришла из Киева, и я ее увидел».

Здесь не лишне пояснение. Бабушка Антона Павловича была женщиной очень набожной. После рождения сына «по обещанию» пешком ходила на поклонение святыням. Не могла там, по-видимому, не зайти в храм, построенный дядей мужа. Петр Емельянович оставил земледелие и пошел странствовать, «исходил всю Россию пешком вдоль и поперек», собирал деньги на церковь и построил ее в Кивее.

«1831. Помню сильную холеру, давали деготь пить.

1832. Учился грамоте в с. школе, преподавали по А. Б. по-граждански.

1833. Помню неурожай хлеба, голод, ели лебеду и дубовую кору.

1834. Учился пению у дьячка Остапа.

1835. Ходил в церковь и пел на клиросе.

1836. Родился брат Митрофан.

1837. Приехал регент дьякон, жил у нас и учил меня на скрипке.

1838. В певческом хоре я пел 1-м дискантом.

1839. Учился Закону Божию у свящ. о. Константина Устиновского.

1840. Учился на сахарном заводе у арендатора Гирша сахароварению».

Отметим, что к серьезной работе сын приставлен в пятнадцать лет, а «трудовое воспитание» начиналось, конечно, сызмальства, само собой.

«1841. Отец откупил все семейство на волю...»

Еще по указу Павла Первого крепостной был обязан работать на помещика половину рабочей недели. Егор Михайлович тоже на сахарном заводе приказчиком служил «тридцатину», вел и свое собственное торговое дело. По свидетельству родных — «глубоко завидовал барам, ...их свободе». Поставил себе целью — сколотить капитал и выкупить себя, семью из «крепости», что ему удалось сделать задолго до всеобщего освобождения крестьян. Подвиг — по нынешним меркам.

«1842. Гири отправил меня с быками в Москву для продажи.

1843. Выхали совсем из родины в Зайцовку к дедушке Шимке».

Хотелось бы, конечно, в Ольховатке или Зайцовке увидеть старинные строения из тех лет, когда здесь жили Чеховы. Пусть безмолвные, но свидетели той жизни. Сохранились останки стен первого сахарного завода — и только. Никто теперь не укажет хотя бы место, где стоял двор Чеховых. Зато Успенская церковь в Зайцовке, там, где корни великого писателя по бабушке, после атеистического безверия восстанавливается в былом своем величии. Освящена она в памятном для русского человека году — в 1812-м. В свое время под сводами здесь творили молитву и наши Чеховы.

«1844. Из Ольховатки переехал в Таганрог 20 июля к купцу Кобылину.

1845. Начал там заниматься торговлею по конторской части...»

Трудно сказать, не жалел ли после сам Егор Михайлович, ведь обручение с влей для него, отчасти и для детей, вышло по современной песенной присказке: если к другому уходит невеста, то неизвестно кому повезло. Горожанином не станет, будет служить конторщиком, управляющим в имениях. Барские хоромы его не прельстят, выстроит себе маленькую хатку с двумя комнатками. И по убеждению останется «ярый крепостник».

При выкупе из крепостных у него не хватит денег на дочь. Чертков уважит толкового человека и отпустит ее «в придачу». Александру выдадут замуж за сельского писаря, грамотного, а, главное, добропорядочного человека Василия Григорьевича Кожевникова в слободу Твердохлебово, расположенную близ соседнего уездного Богучара. По воспоминаниям дочери Александры Егоровны (записал их ее внук Андрей Константинович Руденко со слов своей мамы и дочери Кожевниковых — Веры Васильевны), — «Егор Михайлович Чех, отец моей матери Александры Егоровны Кожевниковой, часто навещал свою дочь, проживающую в с. Твердохлебовка Воронежской губернии в 15 верстах от уездного города Богучара. Это посещение обычно приурочивалось к осени, после окончания сельскохозяйственных работ в имении помещика Платова на Донщине, где Егор Михайлович работал управляющим. Путь в село Твердохлебовку был нелегким, так как большую часть его надо было преодолевать на лошадях в дождливую осеннюю погоду. Для всех нас его приезд был радостным и желательным, особенно для его дочери, нашей матери, которая очень тосковала за своими родными, будучи оторванной от них с юношеских лет своей жизни. Егор Михайлович тоже охотно проводил зиму у своей дочери Егоровны (так он ее именовал), питая к ней особенное чувство трогательной жалости из-за ее постоянной тоски по матери. Нас в семье было пять человек. Три старших сестры: Анастасия, Мария, Анна, брат Василий и я — младшая дочь Вера».

Краевед из Богучара Евгений Романов отметил, что Егора Михайловича знали и ценили как толкового практика в сельском хозяйстве, особенно в пчеловодстве, в земской управе Богучара. В знак глубокого уважения ему присылали из управы газеты и всевозможную литературу, которую он с большим интересом прочиты-

вал. По словам детей Александры Егоровны, Егор Михайлович был очень умным и начитанным человеком, который на все вопросы давал разумные ответы.

В июле 1878 года Егор Михайлович овдовел, покинула мир земной его Ефросинья Емельяновна. Летом, осенью он гостил у родных в Москве, Калуге, а к Рождественским и Новогодним праздникам возвратился в семью дочери. Краевед Евгений Пажитков обнаружил в московских архивах два письма дяди писателя — Митрофана Егоровича. Адресованы они младшему брату, отцу Антона Павловича. В этих письмах подробно рассказывается о последних месяцах жизни и кончине Егора Михайловича.

После долгой поездки он стал жаловаться на нездоровье. Пригласили в Твердохлебовку врача из Богучара, который объяснил слабость больного возрастной сердечной недостаточностью.

Егор Михайлович в марте, «в воскресенье 11 числа пророчески сказал: теперь я всех детей и внуков проведаль и благословил так, как Исаак Иакова, Иосифа и братию его; этим я приготовил себя к погребению.

Живя папенька в Твердохлебовой, до трех разов бывал по целым неделям болел тяжело, затем опять ходил в церковь, говорил, шутил, читал и писал; и все собирався в Таганрог. Одно известие прохожего солдата из Таганрога, что у нас в городе свирепствует чума, сильно его встревожило, так что уложило в постель. Ему представилось, что меня и Георгия нет на свете. Затем мои письма одно за другим возвратили ему спокойствие.

По приезде из Богучара 12 марта он обедал, после кое-что портняжил, наконец, почувствовал дурноту. Был приглашен священник для исповеди, после которой ему стало легче. Предложили папеньке пособороваться, он изъявил желание. Одно Евангелие лежа слушал, прочие сидя. По окончании таинства елеосвящения встал с постели, пока духовенство выпило по стакану чая, пожелал пройтись по комнате, поддерживаемый с одной стороны Василием Григорьевичем, с другой — сестрой. На повороте обратно он преклонил колени, и более у нас не стало отца-благодетеля...»

«Воистину Христос воскрес!»

Любимый брат Павел Георгиевич и милая сестра Евгения Яковлевна!

По получении мною печальной телеграммы из станции Кантемировой от нашего племянника Ивана Феофановича Луценкова о кончине нашего бесценного родителя 13 марта я немедленно ответил депешою с убедительною просьбою в Кантемировку, чтобы с погребением подождали нашего с Людмилою Павловной приезда. Того же числа оставили дом, семейство, больного Георгия, лавку, мы отправились вечером в 11 часов по железной дороге на Ростов. Через сутки в 11 часов вечера мы прибыли на станцию Кантемирову, где ожидал нас Иван Феофанович. Через час поехали на лошадях 45 верст в Твердохлебову. В 7 часов утра в четверг 15 марта мы стояли над телом нашего милого папаши и рыдали. Кончина его последовала в понедельник 12 числа в 5 часов пополудни. Мы не надеялись его заставить на столе, между тем он был неврадим так, что духовенство сказало, что если Митрофана Егоровича не будет и сегодня, то есть в четверг, то оно может ждать еще сутки и перенести тело в церковь. Лицо его было ясно и спокойно.

Священник о. Константин прочитал отходную молитву и тут же при всех молил Бога, дабы он и ему даровал такую же христианскую кончину безболезненную, не постельную, мирную, ибо и он очень преклонных лет.

Через час после нашего приезда отслужена была соборно панихида, через два часа явилось все духовенство — три священника, диакон и причетники, и опять служили панихиду пространную как первую. Когда вынесено было тело на крыльцо, было: ...святого Евангелия чтение; затем лития и прочее. Когда спустились

во двор, то же самое. Когда вышли за ворота, то же повторилось. На колокольне прозвонился печальный протяжный звон. Шествие к церкви началось похоронным пением: Святый Боже — на старинный напев. Когда прочли два раза по трижды трисвятую песнь, опять процессия остановилась, и сподобился наш. На протяжении всего пути до храма шествие останавливалось после прочтения дважды Святый Боже. Что было крайне умиротворяюще и трогательно. Так я нигде не видел, и в городе ни за какие деньги нельзя удостоиться такого погребения; на что прошло много времени. Литургия отслужена Св. Иоанна Златоуста, на которой тоже все начиналось от первого: Господи, помилуй...

При отпевании погребения вся слобода держала свечи в руках. Священник о. Михаил сказал в свое время надгробную проповедь над телом покойника. Ее я вам сообщу. К погребению бесценнейшего нашего папеньки все зятья, внуки и внучки съехались, также и мы из Таганрога, как Св. апостолы со всех концов Вселенной на Успенье Пресвятой Девы Марии на облаках предстали; одних только вас не было, да и милого моего Георгия, который до сих пор рыдает за дедушкой. Печальное шествие на кладбище было также медленно и с литиями и чтениями Евангелия. Затем покрыли гроб землю, сделали могилу и поставили дубовый крест с резьбой имени и фамилии, кто здесь покоится. Этот крест былнесен впереди хоругвей из дома и до кладбища. Остались мы сиротами...»

Так сложилось, что Егор Михайлович, восьмидесяти лет, скончался на руках дочери. Выпадет лежать им рядом на сельском кладбище, в шестидесятые годы прошлого столетия еще сохранялась могильная плита. В Твердохлебовке канет в безвестность дедов сундучок, в каком хранились письма внука-писателя. Потеря невозможная. Многоотное собрание писем Чехова — это интереснейший роман его жизни, в котором каждая страница «или прекрасна, или нужна» и важна.

Все это случится позже, а тогда, когда семья стала свободной, отец распорядится так. Старшего сына Михаила направит на обучение переплетному делу в Калугу, где тот и откроет собственную мастерскую. Митрофана и Павла заберет с собой на юг России. Обживутся братья на побережье Азовского моря — в Таганроге. В тогдашнюю рыночную экономику сыновья, как и отец, впишутся с трудом. Купеческой славы не наживут. Торговое занятие во все времена требует особого склада характера. Скупость же, хитрость, изворотливость не почитались в роду Чеховых.

До наших дней сохранятся не юношеские, а лишь поздние фотографии ольховатских Чеховых. Это уже городские люди в манере одеваться: костюм-тройка, часы на цепочке, которая свисает небрежно с жилета. Лица привлекают правильностью черт, открытостью. Братья по моде той поры щеголяют бородами. Чем больше рассматриваешь портреты, тем больше убеждаешься — доброта исходит от лиц, доброта человека верующего. А они таковыми и были. Церковный староста Митрофан Егорович создал городское благотворительное братство, помогавшее беднякам. Павел Егорович тоже считал, что «вера есть свет истинный». В семье последнего — «Тысяча восемьсот шестидесятого года месяца Генваря семнадцатого дня рожден, а двадцать седьмого крещен Антоний. Родители его Таганрогский 3-й гильдии купец Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна, оба православного исповедания...».

Есть разные догадки о происхождении фамилии «нашего» Чехова. Дядя писателя Митрофан Егорович, романтическая душа, уверял родных, что их предок был чех, бежавший из Богемии в Россию.

— Я так думаю, душенька, что простому крестьянину бежать из своей родины незачем и даже почти совсем невозможно. Наверное, это был какой-нибудь особо знатный человек.

Усматривалось родство тоже с именитым литейным мастером Андреем Чохо-

вым. Современник Ивана Грозного, Борис Годунова и Михаила Романова за свою жизнь при трех царях отлил державе 1600 пушек. Самая известная многим звою кома — Царь-пушка в московском Кремле.

Вероятнее, ближе всего к истине сам Антон Павлович, написавший: «Во мне течет мужицкая кровь».

По свидетельству брата, Михаила Павловича, действительно «прадед и дед носили у себя в Ольховатке прозвище «Чехи», а не Чеховы». С этой фамилией в жизни мне пришлось столкнуться в далекой стороне. После института направили работать в новосибирский городок Карасук.

Обрадовавшись избавлению от надоедливою одиночества, хозяйка, к которой меня определили на постой, говорила и говорила. Несколько лет назад похоронила мужа. Дети взрослые. Перетянули ее к себе поближе, из села в городок, купили этот домик. Она сама и покойный муж считали себя коренными сибиряками. Бабушки-дедушки молодыми перебрались сюда давно с Украины. Фамилию моя хозяйка носила короткую — Чех. Конечно, поинтересовался:

— Вы с чехами не в родстве?

Засмеялась. Оказывается, у ее мужа часто допытывались об этом. Но в их роду никаких предков из чехов не знали. А фамилию выводили от прозвища некоего сичевика-запорожца, ненароком расчихавшегося после чарки крепкой горилки в час, когда его принимали в казачье братство.

Подтверждение услышанному встретилось в словаре Юрия Федосюка «Русские фамилии». Чеховых в России много, отмечает ученый, но потомки чехов лишь немногие из них. Нецерковное имя Чох, иногда оно писалось «чех», означало чихание. Так могли назвать ребенка, которого «чих одолел», называли так и здорового, чтобы уберечь его от чихания и связанных с ним болезней.

Теперь и подумаем. Отталкиваясь от семейной родословной Чеховых в той части, где она скрыта «легендарным туманом», Бунин, скажем, писал о Чехове: «Удивительная у него родословная. Крестьянский род, явившийся с севера». Правда, строками ниже Иван Алексеевич не столь уж категоричен. Он допускает: «...вероятно, с севера, а не из украинских земель, так как речь Чеховых и в XIX веке и раньше была русская. (Называя себя неоднократно в письмах «хохлом», А.П. Чехов, вероятно, имел в виду, что его бабушка со стороны отца (Ефросинья Емельяновна, урожденная Шимко. — П.Д.) была украинкой».

Жаль, что Бунину не довелось читать письмо Чехова чешскому критику и переводчику. В 1891 году Августин Врзалу попросил Антона Павловича дать ему краткую автобиографическую справку. Писатель высказался в ней ясно: «Дед мой был малоросс, крепостной».

В Ольховатке Чеховы, скорее всего, разговаривали, как все — на южнорусском наречии, в котором неразделимо, что вода родников, слилась языковая стихия великоросса и малороссиянина. Уроженцы здешних мест хорошо знают, что обе языковые ветви или по раздельности одинаково доступны. Родом из воронежской Кантемировки, Евгений Плужник стал самобытным украинским поэтом двадцатого столетия. Выросший в селах близ той же Кантемировки и Россоши, Алексей Прасолов известен как современный нам русский поэт. Историк и писатель Николай Костомаров, из слободы Юрасовки, писал и на русском, и на украинском.

Что касается написания Чех или Чехов, то это дело писарской техники. На украинской стороне говорят — Плужник, у нас в России он же — Плужников. Ворона стал Вороновым, Сорока, не в обиду будь сказано, обернулась Сорокиным, Шило зазвучало Шилов — и так далее, и тому подобное...

Выходит, первый Чехов в Ольховатке мог быть пришельцем равно как с русского севера, так и с Днепра. Сиротская дорога в ту пору схоже вела на Дон чаще обездоленных...

Выразил это, заколебался — ставить в конце предложения точку или знак вопроса. Выручил многозначное отточие, как хочешь, так и принимай.

...Филиппу Федоровичу Чехову водить гостей по селу было тяжеловато. Хоть и скрывал, но больные ноги выручала суковатая палка, какую он прихватил с собой по случаю — гнал корову в стадо. Слушать его интересно.

— Один я, Чехов, тут остался. Был еще Филипп, постарше. Погиб в войну. Я тоже свободно мог не остаться в селе. Сколько раз траплялся случай. Отец офицер, выслужил в Ленинграде квартиру, а попал на Ленинградский фронт. После того как наши Неровновку освободили, военком направляет меня учиться в военное училище. Уступил то место односельчанину...

— Самому воевать не довелось, двадцать седьмой год рождения на фронт не брали. Винтовку в руках держал. Как у нас бои прошли, зачислили меня в истребительный батальон. Пленных итальянцев водил конвойным. Слушались. Куда им бежать? Сугробы в пояс, мороз. Я для них за спасителя...

— Тракторист, а работал больше бригадиром. Назначат, а правду скажешь начальству — снимут. Кому правда нравится, если она глаза режет. Пройдет время, забудется, опять бригадиром просватают...

— Чехова кто не читал? Перво-наперво, знают все Ваньку Жукова, Каштанку...

Я книгу брата писателя Михаила «Вокруг Чехова» хорошо знаю, там о нас, неровненских, сказано. Интересно знать — откуда и кто мы. Раньше ведь как, помоложе был, поедешь куда, услышат фамилию, обязательно спросят: ты, мол, Чехов не родня?..

Филипп Федорович застал живым сельский Софиевский храм, какой строился, конечно, при участии Чеховых. Разрушили его перед войной. Как принято, церковь стояла на возвышении. Неровновка и сама-то на буграх, а на околице будто кто специально еще курган насыпал. Пока неспешно поднимались на вершину, Чехов рассказывал то, что не удивляло. Подобное уже не однажды приходилось слышать в других селах. Храм у них стоял необыкновенной красоты, лишь в Киеве был схожий. Паломничество в старину считалось обычным, на поклон святым мощам ходили часто. В памяти старших навечно оставались золотые купола Лавры, из уст в уста передавалась о них молва, а сравнение напрашивалось само собой — в нашем селе тоже, как в Киеве. Хотя, кто спорит, деревянная или каменная сказка всегда была творением мастера, церковь не просто красила славянский мир. Тот, кто задумал и бросил клич рубить колокольные шатры, хорошо знал, что при этом рухнут жизненные устои...

Когда же взошли на холм, поверил Филиппу Федоровичу сразу. Иначе и быть не могло. Мастер не мог ударить в грязь лицом перед самой природой, сотворившей природное чудо на земле. Вроде чего тут особенного? Поле да дубрава, Небожин лес. Долгий яр да пруд в нем, Стрижковский ставок. От изножья кургана — неровные улочки Неровновки, а в прозрачной дали угадываются хуторки — Гирлы ли? Степной? И вдруг понимаешь — почему все твои спутники разом замолчали. Перед нами — Русь! Не слобода и село, не уезд и район, даже не страна в изменившихся межах. Русь — древняя, настоящая и вечная...

Прожили Чехов не сорок четыре года (только — сорок четыре...), уверен, он бы приехал на родину предков. Он даже ехал сюда однажды. «Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей — коршунов, летающих над степью... Курганчики, водокачки, стройки — все знакомо и памятно... Хохлы, волю... белые хаты, южные речки... — все это мелькнет, как сон...»

Приехал бы и остался.